

ИДЕЯ ТРУДА. ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЛАССИКОВ И СОВРЕМЕННОКОВ

1

**Арсений
Замостьянов**

О труде писали немало — и романтики, и позитивисты; и мистики, и практики; и физики, и лирики. Пожалуй, более всего на слуху образцы массовой песенной культуры 1930–1940 гг., прославлявшие радость труда, оптимизм, молодые силы. Но, разумеется, за И.О. Дунаевским и В.И. Лебедевым-Кумачом угадывались пласты менее популярной классики, в которой тема преподносилась глубже, драматичнее, с интеллектуальным напряжением, свойственным настоящим первооткрывателям. Не всегда идеология соответствовала движениям народного мировоззрения. Но магистральная идея уважения к труду отражалась и в бытовой этике.

Вот небольшая антология, объединённая общим исходным мотивом, впервые прозвучавшим в Британской империи. Талантливейший английский поэт Томас Гуд, трагический сатирик, чем-то напоминающий нашего Некрасова, в 1843 году написал свой шедевр — «Песню о рубашке».

Полный русский поэтический перевод этого стихотворения выполнил в 1860 году поэт некрасовской школы — М.Л. Михайлов. Русские разночинцы-демократы подняли идею труда до идеалистических высот, опираясь на мудрость народа: «Кто не работает, тот не ест». Этот перевод был очень популярен многие годы. Приведу лишь несколько строф из этого стихотворения:

Работай! работай! работай,
Пока не сожмёт головы, как в тисках!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнет в глазах!
Строчку — ластовку — ворот —
Ворот — ластовку — строчку...
Повалит ли сон над шитьём — и во сне
Строчишь всё да рубишь сорочку.

О братья любимых сестёр!
Опора любимых супруг, матерей!
Не холст на рубашках вы носите — нет!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!..
В грязи, в нищете, голодна,
Рубашку и саван одною иглой
Я шью из того ж полотна!

Но что мне до смерти? Её не боюсь,
И сердце не дрогнет моё,
Хоть тотчас костлявая гостя приди.
Я стала похожа сама на неё.
Похожа от голоду я на неё...
Здоровье не явится вновь.
О боже! зачем это дорог так хлеб,
Так дешёвы тело и кровь?

В 1907 году А.А. Блок создаёт свой гимн труду, в котором использовал рефрен Гуда-Михайлова, этот впечатляющий мотив, с которого начинается стихотворение. Эти строки одного из самых любимых поэтов XX века хорошо известны многим:

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник — другим будет сладко,
Другой твои песни споёт,
С другими лихая солдатка
Пойдёт, подбочась, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы — вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодница — повыше
Других молодниц удалых!

В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щёки бледны,
Тонки её чёрные брови
И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так сладко
Работать, пока рассветёт,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

Пожалуй, никто в мировой литературе не создал столько гимнов труду, как Валерий Брюсов. «Героем труда» назвала Брюсова М.И. Цветаева: в её сложном отношении к старшему поэту уважение к трудолюбию было всё же неколебимым. В 1917 году В.Я. Брюсов создаёт цикл стихов о труде, сразу вошедший в школьную программу. Центральное стихотворение — «Работа» — воспринимается как ещё одна (вполне самостоятельная) вариация на тему Гуда.

Жаль, что сегодня эти чеканные стихи уже не пользуются хрестоматийной популярностью:

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом, —
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счёта, —
Часы за упорным трудом!

Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике, в шуме стозвонном
Машин, и колес, и ремней,
Заполни, с лицом непреклонным,
Свой день, в череду миллионном
Рабочих, преемственных дней!

Иль — согнут над белой страницей, —
Что сердце диктует, пиши;
Пусть небо зажжётся денницей, —
Всю ночь выводи вереницей —
Заветные мысли души!

Посеянный хлеб разойдётся
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польётся;
Печатная мысль отзовется
Во глуби бессчётных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастёт.
Что станет с плодами — неизвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падёт на народ.

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счёта, —
Всё счастье земли — за трудом!

После Михайлова к стихотворению Гуда не раз обращались русские переводчики. Признание получил перевод Э.Г. Багрицкого 1927 года — очень

2

искренний, эмоциональный, резкий,
вполне в духе талантливой революци-
онного поэта. Вот несколько строф из
этого стихотворения в его переводе:

От песен, от скользкого пота
В глазах растекается мгла;
Работай, работай, работай,
Пчелой, заполняющей соты,
Покуда из пальцев, с налёта,
Не выпрыгнет рыбкой игла.

Опять воротник и манжеты,
Манжеты и вновь воротник...
От капли чадающего света
Глаза твои влагой одеты...
Опять воротник и манжеты,
Манжеты и вновь воротник...

О вы, не узнавшие страха
Бездомных осенних ночей!
На ваших плечах — не рубаха,
А голод и пение швей,
Дни, полные ветра и праха,
Да темень осенних дождей.

Швея! Ты не помнишь свободы,
Склонясь над убогим столом,
Не помнишь, как громкие воды
За солнцем идут напролом,
Как в пламени ясной погоды
Касатка играет крылом.

Стежки за стежками без счёта,
Где нитка тропой залегла,
Работай, работай, работай,
Поёт, пролетая, игла,
Чтоб капля последнего пота
На бледные щеки легла.

Страстная, многомерная поэтиче-
ская мелодия, по выразительной осмыс-
ленности равная «Ворону» Эдгара По,
«Заповеди» Киплинга или «Завеща-
нию» Лермонтова. Хорошо бы поме-
стить этот литературный пласт в контекст
школьной программы.

Всё раньше родители и учителя начина-
ют задумываться о трудовом будущем
школьников. Вопрос, заданный Маяков-
ским: «Кем быть?» — стоит сегодня,
пожалуй, острее, чем 20 лет назад, хотя
и без мрачного подтекста 90-х, когда ка-
залось, что для адаптации в вольнице
криминального беспредела почтенные
дипломы и профессиональные навыки
могут быть только помехой. В самые
кризисные годы до небес взлетела пре-
стижность двух перспективных профес-
сий — юриста и экономиста. Действи-
тельно, в мире частного капитала,
по сравнению с советской реальностью,
роли юристов и экономистов возросли,
как и спрос на представителей этих про-
фессий. Но со временем ситуация стала
напоминать рассуждение об Израиле из
песни очень чуткого к социальным кол-
лизиям Владимира Высоцкого:

Нет зубным врачам пути:
Слишком много просится —
А где на всех зубов найти?
Значит — безработица!

Один из социологических опросов
2005 года показал двукратное увеличе-
ние популярности рабочих специальнос-
тей. Правда, эти сдвиги не изменили аут-
сайдерского положения пролетарских
профессий: вместо прежних двух про-
центов им отдали предпочтение четыре
процента опрошенных. Симптоматично,
что некоторые сверх меры куртуазные
и до кончиков пальцев столичные журна-
листы, комментировавшие этот опрос,
высмеивали «отсталость» этих четырёх
процентов.

Локомотивом российской экономи-
ки ближайшего десятилетия будет стро-
ительство, связанное с нуждами ТЭК,
с задачами экспорта. Нужно будет стро-
ить железные дороги и трубопроводы,
аэропорты и нефтеперерабатывающие
заводы. Работать придётся в тяжёлых
условиях, но с высокими доходами.

Неминуем и рост жилищного строительства в самых населённых областях страны. Юристами и экономистами на больших стройках дело, конечно, не ограничится, и потому сегодня специалисты по подбору кадров наиболее оптимистично оценивают перспективы студентов ВТУЗов. Так, директор московской школы Ефим Лазаревич Рачевский в радиоэфире предлагает сократить количество педвузов (сократить одним махом — дело нехитрое, только не придётся ли потом бороться с помойками, которые возникнут на месте каких-никаких очагов науки) и утверждает, что готовит в школе «ресурс для предпринимателей». Вот его слова, приведённые в Интернете¹:

«Сегодняшний работодатель заинтересован в работнике высокой общей культуры: с высокой коммуникативной включённостью, с хорошим русским языком, с хорошим иностранным языком, с хорошим владением персональным компьютером — хотя бы на уровне пользователя. Правильно ведь, да? Желательно, чтобы он был избавлен от вредных привычек — так ведь? Чтобы он был спортивен, чтобы он мало болел, долго жил. Мало болел — ну, чтобы предприятие не оплачивало больничные листы и т.д. Чтобы он был заинтересован в своём карьерном росте и таким образом приумножал, приумножал — то есть являлся уникальным ресурсом для работодателя. То есть одним предметом здесь не обойтись» (<http://echo.msk.ru/programs/assembly/42268/>). В девяностые годы, когда неопределённая «работа на предпринимателя» стала для молодых людей единственным некриминальным вариантом благополучного трудоустройства, возникло понятие «офисный планктон». Подобно морским организмам, пассивно дрейфующий «по течению», основная часть этой группы попала в полную зависимость от корпораций и не слишком много отдала обществу своим производительным трудом. Если сегодня Россия собирается отстраиваться — в первую

голову понадобятся дельные специалисты, а не карьерные менеджеры, которых у нас и так избыток.

Самозванный «интеллигент», спущенный с поводка, — это двадцать одно несчастье. Уж как ему хочется продемонстрировать своё превосходство над «простолюдинами», как приятно демонстрировать социальную бестактность. Презрев политкорректность (а она отнюдь не американское изобретение; этикет и социальная ответственность появились ещё в первобытном обществе!), даже политические деятели не ограничивают собственной раскрепощённости. В той же памятной песне Высоцкого прозвучал вопрос: «Что мы видим кроме телевидения?». С тех пор значение «ящика» многократно увеличилось: во-первых, он теперь имеется в каждой семье, во-вторых, ставшие коммерческими телеканалы всеми правдами и неправдами борются за зрителя, за рейтинг. И вот в очередном реалти-шоу — снятом, разумеется, по заёмному, иностранному сценарию, но на русские деньги, политик Владимир Жириновский изрекает: «Разве это люди? Это сброд. Не переносу крестьянского духа. Прочь со двора!». Быть может, кто-то возразит: «То — шутка, телеигра...». Но ни в одной стране мира, включая СССР и США, такие шутки политикам не прощаются. Да и выражение лица шутника — серьёзное, самодовольное — никак не намекало на дидеротов «Парадокс об актёре». Дело в том, что у заместителя председателя Госдумы и лидера крупной парламентской партии хватает досуга, чтобы участвовать в костюмированных шоу. Гонорар, как и появление в эфире Первого канала, лишним не бывает. Герои развлекаются как в пионерском лагере, исполняя различные роли. И как здесь снова не вспомнить хриплый, честный голос из прошлой эпохи: «Раздали маски кроликов, слонов и алкоголиков, назначили всё это в зоосаде». Почитаем официальный анонс: «*Формат этого шоу придумали в Швеции, затем съёмки прошли для канала TF 1 (Франция),*

1

<http://echo.msk.ru/programs/assembly/42268/>

для телевизионных каналов Бельгии и Голландии. По сути, это ролевая игра, внутри которой импровизируют участники проекта. Шестнадцати героям-звёздам предоставляется возможность перенестись в Средневековье. Действие происходит в настоящем замке двенадцатого века вдали от цивилизации. В начале игры все герои находятся в равных условиях: их судьба зависит только от ловкости и ума. В результате первого конкурса участники делятся на две команды: «богатые» и «бедные». Контраст между богатыми и бедными выражается со средневековым колоритом, который, впрочем, присущ и новорусским нравам. Разодетый в парчу и золото, с ожерельем на шее, властелин Жириновский покрикивает на плебс. В его глазах — ни тени снисхождения к «слабым мира сего».

Заразительные правила телевизионной игры, несомненно, перейдут в житейский обиход, в особенности — в школьную среду. Неужели через полтора года избиратель не вспомнит слуге народа эту вопиющую бестактность? Неужели очередной слой проплаченной перед выборами патоки отобьёт вкус этих непотребных телеразвлечений, в которых запечатлелось истинное лицо заместителя председателя Госдумы. А ведь именно этот политик точнее других ухватывает стиль эпохи и воспроизводит его, нередко на шаг-другой опережая конъюнктуру. В своё время именно он первым без обиняков стал пропагандировать имидж эгоиста, бравирующего собственным цинизмом. Образ, который пятнадцать лет назад считался за претным, а ныне стал расхожим. Думаю, что в реалти-шоу «Империя» политический эксцентрик показал симптомы социальной болезни, которая скоро поразит многие умы. И жаль, что в нашей стране не сложилась (распалась?) этика политкорректности, исключающей возможность бестактных заявлений и слов, порождающих бессмысленные конфликты. Тупо призы-

вать копировать американскую политкорректность, но разрабатывать собственную — необходимо.

В книгах А.С. Макаренко хорошо показано, как тесно проблема детской преступности связана с этикой отношения к труду. Именно созидательный процесс коллективного труда (как и армейская служба для молодых людей) был для юношей и девушек школой общежития, школой взаимоотношений между представителями различных поколений, национальностей, темпераментов... Более эффективной школы общежития не существует: и мы наблюдаем, как быстро развиваются процессы деградации в обществе (что в отечественном, что в европейском), отказавшемся от здоровых в социальном смысле производственных проектов в пользу различных форм модернистского иждивенчества. На этом пути перед обществом встаёт немало искушений. При нынешнем потребительском буме трудно внедрить армейскую унификацию. В народе укоренилось уважительное отношение к собственной частной жизни.

Россия XIX века и Советский Союз были передовыми цивилизациями, претендовавшими на мировое идейное лидерство. В подтверждение правомерности таких амбиций стоит вспомнить только философию русского космизма, технически блестяще воплощённую в 1950–80-х, художественные миры Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, патриотическую идею, позволившую стране выстоять в пожаре 1941-го, незаёмное и неповторимое искусство отечественного театра и кино XX века... И всё это — в стране с низким (несмотря на впечатляющий прогресс 1930-х и 50–70-х) уровнем жизни.

Сегодня, несмотря на зияющие социальные контрасты, мы имеем дело с более сытой и нередко пресыщенной молодёжью. Всё чаще можно встретить юношу за рулём собственного автомобиля (в прежние годы такое приобретение можно было сделать в лучшем

случае за 10 лет беспорочной трудовой деятельности). Всё чаще мы встречаем и неграмотных подростков, не знающих ни школьного, ни родительского надзора. Когда государство отступало с завоёванных позиций всеобща, представители научной элиты подбадривали этот процесс, находили ему оправдания, критиковали изъяны прежней — во многом формальной — системы. Но встреча в тёмное время суток в пустом переулке с молодым человеком, не прошедшим формального советского образования, не сулит ничего хорошего рафинированным критикам всеобща... К тому же в культурной жизни страны (и в особенности — молодого поколения) мы видим всё больше провинциализма, всё меньше подлинно оригинального, прорывного творчества.

Обратимся к истории. 4 мая 1961 года Президиум Верховного Совета СССР с привычным единогласием утвердил указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». А вскоре в Уголовном кодексе появилась знаменитая 209 статья. К сожалению, былому закону «против тунеядцев» (который косвенно воздействовал на воспитательные процессы аж младшеклассников!) создали дурную репутацию. У современной аудитории он ассоциируется только со скрытыми политическими процессами 70-х против инакомыслящих, с несправедливым делом Иосифа Бродского. Да, закон нередко использовали не по назначению, но и его позитивный потенциал очевиден. Весной 1991-го был принят Закон «О занятости населения», отменивший уголовную ответст-

венность за тунеядство и фактически легализовавший в стране не только безработицу, но и бродяжничество, попрошайничество, детскую безнадзорность.

После отмены закона государство окончательно сняло с себя ответственность за эти общественные язвы, перестало требовать от школы и милиции контроля за занятостью подростков. Во время «перестройки» всё это было признано недемократичным...

Легализация тунеядства и бомжевания чревата своего рода пропагандой социальной пассивности. Бродяжничество — это образ жизни, нередко — заразительный. Сколько сюжетов для Достоевского в газетных подвалах последних пятнадцати лет! Вот закрывается градообразующее предприятие — и, несколько месяцев помаявшись в рыночной торговле, пьяница превращается в законченного алкоголика. Туда же, в расслабляющий дурман, погружается и его жена. А через несколько лет подросший сын, не отстающий от родителей по части выпивки, убивает отца и мать, чтобы продать квартиру. Вскоре, потеряв деньги, он оказывается на улице. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать неизбежную гибель этого человека. По мнению депутатов образца 1991-го, эта цепочка событий ближе к сюжету правового государства, чем «позорная» 209 статья. Сломленные люди, отчавившие из общества в свой «архипелаг бомжей», — это привычный фон для современных школьников. А к таким явлениям привыкать опасно. Воспитывать уважение к труду по соседству с «архипелагом» — непростая задача. И здесь нам уж точно поможет художественная литература, а законодательство пока что не помогает... **НО**